

И.М. Пудовкина

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД 1900–1918 ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ
ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ**

На примере Пермской епархии рассмотрена деятельность Русской православной церкви в начале XX столетия, в частности ее роль в жизни общества, переживающего времена войн, революций. Показано, что в связи с упадком церковно-приходской жизни в обществе снизился уровень религиозного сознания, а также авторитет церкви и священнослужителя.

На рубеже XIX–XX веков Россия вступила в один из самых сложных периодов своей истории. Русско-японская война, затем революция 1905–1907 годов и, как следствие, вызванная ими экономическая депрессия, разрушение традиционной крестьянской общины, политический застой, новый революционный подъем 1910-х годов, Первая мировая война, октябрьские события 1917 года, Гражданская война, ставшая завершающим звеном в череде этих судьбоносных для страны событий. Это время, по словам Н. Бердяева, «сопровождалось острым чувством гибели старой России»¹. Эти трагические предчувствия во многом были обусловлены изменениями в общественном сознании, которые были вызваны новыми взглядами на роль основных социальных институтов: государства, власти и религии. Исходя из понимания их функции «как формальной организации социальной жизни»², то ни один из них на тот момент уже не мог оказывать существенное влияние на общество, в силу того, что все они фактически утратили свой авторитет. Монархия, монархическое государство, церковь не пользовались поддержкой среди самых широких масс. Если безрелигиозное сознание было характерно в прошлом для образованных классов, то в начале XX столетия, атеистические идеи стали проникать практически во все слои. Равнодушие к вере наблюдалось даже в народе, что опровергало традиционные представления об особой религиозности и приверженности православию русского крестьянина. Это русская интеллигенция, по признанию Н. Бердяева, «в огромной массе

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 125.

² Зеленов Л.А. Социальные отношения и социальные институты // Социальные отношения и социальные институты: тез. докл. к XI межвуз. науч. симп. / ГосНТО. Горький, 1983. С. 254.

своей никогда не признавала себе имманентным государство, Церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызвали в ней враждебное чувство – как что-то чуждое и насилующее»³. А простой народ был всегда богобоязненный, послушный, всей душой преданный «царю-батюшке». Этот миф был окончательно развеян в начале XX столетия. Свидетельства об упадке веры встречаются в трудах таких выдающихся церковных деятелей, как святитель Игнатий (Брянчанинов) и праведный Иоанн Кронштадский. Эту тревожную тенденцию также отмечали и анализировали во многих печатных изданиях Русской православной церкви. На страницах Пермских епархиальных ведомостей⁴ неоднократно указывается на снижение религиозного уровня народа. «В последнее время в обществе и в печати то и дело слышатся жалобы о постепенном упадке церковно-приходской жизни, не только среди больших многолюдных городов, заводов и других крупных центров, но и в селах, где религиозные верования всегда были более или менее тверды и устойчивы, и всего меньше подвергались разного рода соблазнам. Этот упадок замечается решительно во всем: ослабевает в пастве христианский дух веры и любви, уменьшается религиозность, развивается равнодушие и отчуждение от церкви», – пишет автор, взявший себе многозначительный псевдоним «Авторитет».

Снижение уровня религиозного сознания наблюдалось не только у молодежи, но и у людей старшего поколения. Позже философы русского зарубежья, размышляя о причинах революции, прямо указывали на церковь, как на одну из них. В начале XX века РПЦ «выполняла в российском обществе роль идеологического жандарма, что могло провоцировать отчуждение народа от официальной церкви и вести к чисто внешнему характеру его религиозности»⁵. Ни у кого в то время не вызывало сомнения, что церковь утратила в обществе роль духовного лидера, которую она играла в прошлом. Причину подобного положения церкви, необходимо искать в ее историческом прошлом, так как «причинность явления не только обуславливает последовательность во времени причины

³ Архиепископ Тихвинский Константин (Горянский). Опыт встреч // Империя и религия. К 100-летию Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг.: материалы Всерос. конф. СПб., 2006. С. 22.

⁴ Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 7. С. 121–123 // Березн. краевед. музей. КП 3835/123.

⁵ Цимбаев Н.И. Русская православная церковь в годы испытаний (1900–1941) // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 33–42.

и следствия, главное – она определяет источник происхождения явления, которое порождает другое явление»⁶. «Настоящее» для православной церкви начала XX столетия формировалось в далеком прошлом. «Настоящее – ключ к пониманию прошлого, но и прошлое – ключ к более глубокому пониманию настоящего»⁷. В прошлом у РПЦ были не только духовные достижения. Ей нередко приходилось отстаивать чистоту идеи православия, бороться с инакомыслием, преодолевать расколы в собственных рядах, утверждать свое положение в обществе. На церковь оказывали влияние особенности отечественной культуры и сознания русского народа. Именно в прошлом определились важные факторы религиозного, светского и мировоззренческого характера, которые оказали прямое или косвенное влияние на положение церкви в обществе. Основными из этих факторов представляются следующие:

1) множество различных идейно-религиозных течений и тенденций, существовавшие в церкви на протяжении всей ее истории, представители которых стремились вывести православную церковь из состояния духовного неблагополучия;

2) богоискательские настроения, направленные на преобразование многих сторон церковной жизни, охватывавшие в древнерусском государстве, начиная с XV века, все большие слои населения и ведущие к реформаторским настроениям;

3) реформы Петра I, способствовавшие огосударствлению православия и превращению РПЦ в составную часть правительственно-административной системы. С этого времени духовенству вменялось в обязанность не только духовное воспитание паствы, но и слежка за пасомыми. В случае необходимости священник должен был нарушать тайну исповеди. Это повлекло за собой снижение доверия к церкви, распространение атеистических идей, дехристианизация общества и формирование нигилистического мировоззрения;

4) идеи Просвещения, распространившиеся в русском образованном обществе, утверждающие, что религия – результат бедности, необразованности и забитости людей и в результате прогресса, с развитием образования и эмансипации она должна исчезнуть.

С учетом этих и других факторов в период 1900–1917 годов образ религии в общественном сознании изменился. Многими в тот период она

⁶ Стегний В.Н. Социальное прогнозирование и проектирование. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. С. 9.

⁷ Там же. С. 10.

расценивалась как пережиток прошлого, мешающий прогрессу. Истина больше не отождествлялась с религией. Ее искали и находили в марксизме, философии Ницше, учении Л. Толстого. Не случайно Д. Мережковский воспринял отлучение писателя как акт отречения церкви от всего русского общества. Пониманию места и роли религии в обозначенный период способствовали парадоксы национального сознания, а именно религиозный максимализм русского народа и его обостренное чувство красоты и справедливости. С. Франк определил эту черту исходя из понимания окружающего мира русским, и «если несправедливость, зло, страдания существуют в мире, то отсюда следует роковой вывод достаточно характерный именно для русского человека – Бога вообще не существует!»⁸. Там, рассуждает далее Франк, где неверующий западный человек спокойно продолжает жить дальше, «русский впадает в некое сумасбродное состояние, которое он ощущает не как хладнокровное безразличие в отношении религии, но как страстную борьбу против Бога, как штурм небес»⁹. Отсюда один шаг к прообразу постмодернистского сознания, которое склонно к отрицанию традиционных норм и ценностей, к своеобразной интерпретации взаимосвязи прошлого и настоящего, исходя из негативной оценки прошлого. Примером этому может служить беспрецедентный акт вандализма, случившийся в 1904 году, когда неизвестными грабителями была похищена одна из национальных святынь России – Казанская икона Божьей Матери. Грабителей привлек ее драгоценный оклад. Сам же чудотворный образ они, по собственному признанию, разрубили и сожгли¹⁰. Этот факт свидетельствует не только о моральной деградации общества, но и катастрофическом падении религиозного сознания. В этой ситуации РПЦ предпринимала ряд мер, способствующих выходу из кризисного состояния, как самой церкви, так и всего общества. Ее концепция основывалась на развитии клерикальной модели государственно-религиозных отношений, на укреплении православия и православных традиций, что, в свою очередь, оказало бы положительное влияние на развитие России.

В период 1900–1917 годов высшее духовенство прежде всего пыталась выстроить свои отношения с властью. Исходя из основ Священного

⁸ Назарова О.А. Философия истории Семена Людвиговича Франка // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 127.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Громов М.Н. 1905 год в России: созидание или разрушение? // Социальное служение – путь к миру и согласию: материалы VII и VIII Свято-Елизаветинских чтений. М., 2007. С. 71.

Писания, церковь всегда признавала институт власти, в частности самодержавие, как наиболее совершенное земное отражение небесной иерархии. Но так как монархия в этот период утратила свою сакральную силу, церковь была вынуждена приспособляться к общественному мнению и ее взгляды относительно самодержавия как института власти менялись. В годы революции 1905–1907 годов церковь призывала всех православных к спокойствию и послушанию властям. В послании Святейшего Синода от 14 декабря 1905 года по «поводу беспорядков рабочих» говорилось о пагубных настроениях в современной жизни русского народа. Синод именем святой матери-Церкви православной, умолял всех ее чад «боятся Бога, чтить царя и повиноваться всякой власти от Бога поставленной». В послании также содержался призыв к рабочим работать «в поте лица своего и не слушать ложных советников». Представителям же власти были обращены пожелания «править согласно правилам Священного Писания, помнить о бедных и больше заниматься благотворительностью»¹¹. В многочисленных проповедях говорилось о необходимости скорейшего возвращения к мирной и благочестивой жизни, о молитвах к Божией Матери «о несчастных братьях, смуту увлеченных на погибельный путь». Таким образом, со стороны православной церкви прозвучал призыв к отпору революции. Однако порицая тех, кто оказался в рядах бунтовщиков, «давно отрекшихся от Бога в делах своих», церковь, тем не менее, не обостряла отношений ни с одной из партий и группировок. РПЦ осуждая революционеров, фактически не оказывала поддержки и правым силам. Тем самым представители высшего духовенства дипломатично избрали золотую середину и стояли скорее на позициях либеральной демократии, которая не сочувствовала методам радикалов, но и не поддерживала правительство, находя его действия неэффективными и даже излишне жестокими. Такая сторонняя позиция объяснялась тем, что в 1905 году в церковных кругах был поставлен вопрос о необходимости проведения церковных реформ, в частности, восстановления патриаршества. Однако желание высших иерархов РПЦ не находило понимания у власти. Традиционное синодальное управление зарекомендовало себя с эффективной стороны в повседневных церковных делах. Перестраивать всю систему взаимоотношений церкви и государства было слишком сложно. Император Николай II, соглашаясь с не-

¹¹ Бабкин М. События первой российской революции и Святейший Синод Русской православной церкви (1905–1906 гг.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 4 (21) С. 30–32.

обходимостью проведения реформ, тем не менее постоянно откладывал решение этого вопроса, не предпринимая никаких решительных мер. В конечном итоге осторожная политика церкви в годы первой революции не привела ни к какому позитивному результату. Для достижения своих целей она не могла использовать те методы борьбы, с помощью которых общество добилось определенных гражданских свобод. Кроме этого существовали, по крайней мере, еще две причины – прямая зависимость церкви от государства, что исключало возможность оппозиции, и низкий уровень религиозного сознания общества. В последующие годы РПЦ приложила немало усилий для того, чтобы уровень религиозного сознания в обществе был существенно повышен.

Прежде всего, необходимо было поднять авторитет церкви и священнослужителя, которые давно были объектом критики и насмешек. В статье из православного журнала «Объединение», опубликованной на страницах Пермских епархиальных ведомостей за 1910 год говорится о том, что «духовенство всех времен и народов было и есть великой культурной силой, руководящей массой и направляющей ее в ту или иную сторону. Выражаясь словами Спасителя, это есть «град сверху стояй», «светильник, поставленный на свешнице, чтобы светить всем»¹². Рассуждая о падении авторитета священника в русском общества, автор статьи отмечает, что «как на свежем снегу заметно малейшее пятно, так и в жизни пастыря каждая мелочь, каждый шаг даже мало-мальски не соответствующий его достоинству, не взирая на окружающие неблагоприятные обстоятельства, толкуются всегда в худшую сторону»¹³. К сожалению, недостатки нередко перерастали в более серьезные проступки, требующие исправления в соответствующих сану учреждениях, таких как Соликамский Троицкий (Истобинский) мужской монастырь. Туда попадали священники за пьянство, разврат, растрату казенных денежных средств. Нередко духовные лица открыто пренебрегали своими прямыми обязанностями, целиком погружались в будничные дела, не имеющие ничего общего с идеалом евангельского служения. Но такое явление было вызвано нищенским положением провинциальных, особенно деревенских священников, что и вынуждало их искать дополнительные средства к существованию. Кроме того, в силу обстоятельств, служение превращалось в рутинную работу, а священник нередко становился обыкновен-

¹² Пермские епархиальные ведомости. 1910. № 34. С. 909–910 [Духовенство и интеллигенция. Публикация из журн. «Объединение»] // Березн. краевед. музей. КП 3835/122.

¹³ Там же. С. 912.

ным чиновником, занимающимся не духовным воспитанием своей паствы, а финансовыми отчетами, ведение клировых ведомостей, записями в метрических книгах, страхованием церквей и церковных строений. Таким образом, делает выводы один из корреспондентов Пермских епархиальных ведомостей, «главное для пастыря – отчеты и документы»¹⁴. Эти занятия отнимали много времени и сил. Так, только в одних клировых ведомостях требовалось подробно зафиксировать состояние финансовых дел прихода, состав причта, количество учеников в церковно-приходских школах, состояние земельных наделов и многое другое.

Само духовенство в тот период во многом утратило духовную опору. Тот же корреспондент Пермских епархиальных ведомостей отмечает у священнослужителей «неуверенность в своих силах, непонятную апатию к своим пастырским обязанностям, какие-то разрозненные действия и полное отсутствие солидарности в решении важнейших животрепещущих вопросов»¹⁵. Призыв К. Леонтьева «учитесь скромно у Церкви и даже, еще проще и прямее говоря, у духовенства. Оно знает учение Церкви»¹⁶ утратил на тот момент свою актуальность.

Преодоление таких негативных явлений было возможно только путем повышения уровня образования священников и обновления кадров. Однако само духовное образование также требовало скорейшей реформы. Одной из главных его проблем была сословная замкнутость. Циркуляром Министерства образования Российской империи запрещалось принимать сыновей священников в светские учебные заведения. Но и указ Синода ограничивал поступление представителей других сословий в духовные учебные заведения. Таким образом, поповичам от рождения было предопределено служить по духовному ведомству, даже если они не имели к этому никакого призвания. Другой не менее важной проблемой высшей духовной школы был упадок преподаваемой богословской науки, ее полный отрыв от народного православия, так как в ее основу были положены схоластические труды католических теологов. О целях и задачах обновленной духовной школы много размышлял и писал архиепископ Волоколамский и настоятель Данилова монастыря Феодор (Поздеевский). В своей «Записке о реформе духовно-учебных заведений», он

¹⁴ Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 13. С. 255 [Одно из грустных явлений в жизни современного пастыря] // Березн. краевед. музей. КП 3835/123.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Игумен Петр (Пиголь). Учитесь у Церкви. Взгляды на образование Константина Леонтьева // Пути Промысла Божия и святоотеческое наследие: XV Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2008. С. 85.

отмечал: «...наши духовно-учебные заведения имеют своей задачей осуществление целей по преимуществу воспитательной, и притом строго определенной»¹⁷. «Строго определенная цель» преследовала, по мысли владыки, подготовку для церкви пастырей, воспитанных и выученных в религиозно-нравственном духе.

Немаловажную роль в решении проблемы играло и материальное обеспечение священников. Получив достойное содержание, они, как считал Св. Синод, больше будут думать о духовных потребностях и нуждах своей паствы. В начале прошлого столетия, священнику, служившему в средней полосе России, независимо от других источников дохода, в год полагалось выплачивать 1200 руб., диакону – 800 руб., псаломщику – 400 руб. Священник с высшим образованием должен был получать до 1500 руб. в год. Норма содержания значительно увеличивалась для причтов, находящихся на Дальнем Востоке. Кроме того, назначалось единовременное материальное пособие и пенсии.

Для повышения уровня религиозного сознания в обществе необходимо было как можно активнее воздействовать на молодежь, которая в тот период уклонялась не только «от посещений храмов Божьих, но даже от молитв»¹⁸. Такие поведенческие модели во многом одобрялись светской школой, что с точки зрения церкви было совершенно недопустимо. Неоднократно представители духовенства указывали на то, что «наше русское образование юношества, по-видимому, менее всего заинтересовано в воспитании веры и нравственности, и если иногда обсуждает их в своих товарищеских собраниях, то не с целью серьезного и основательного изучения, а единственно для того, чтобы поглумиться над религией и осмеять родное православие»¹⁹. Воспитывать молодое поколение в традиционном православном духе были призваны церковно-приходские школы, формирование которых началось с момента утверждения императором Александром III 13 июля 1884 года «Правил о церковно-приходских школах». В основе учебного курса было изучение Закона Божьего, обучение церковно-славянскому чтению и церковному пению. Впоследствии, когда с 1899 года срок обучения увеличился,

¹⁷ Епископ Якутский и Ленский Зосима. Архиепископ Федор (Поздеевский) о духовном образовании и воспитании юношества // Пути Промысла Божия и святоотеческое наследие: XV Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2008. С. 51.

¹⁸ Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 3. С. 42 // Березн. краевед. музей. КП 3835/123.

¹⁹ Там же. С. 44.

в курс двухклассной школы были введены новые предметы: география, природоведение, черчение с рисованием. Перед Рождеством и Пасхой проводились дни благотворительности, когда бедным детям прихода шили одежду из готовой ткани. В церковно-приходских школах Пермской епархии даже вводили профессиональное обучение. В Богородицкой, Кунгурской, Успенской и Юсьвинской школах были организованы курсы кройки и шитья для девочек. В школе Искорского завода проводились занятия по кузнечно-слесарному делу. В южных регионах Пермской губернии изучали основы сельского хозяйства²⁰.

Большая роль в школах отводилась церковному пению, которое способствовало объединению верующих. «При общенародном пении, – писал священник Александр Ласкин в Пермских епархиальных ведомостях, – каждый из молящихся имеет возможность лично участвовать в молитве, так или иначе выражая в ней свое религиозное настроение... Всякий, присутствующий при богослужении, есть лицо активное относительно богослужения, а не пассивное»²¹.

В начале XX века школы активно открывались на всей территории Российской империи. В Пермской губернии они существовали практически повсеместно. По данным клировых ведомостей 1906 года, в промышленном районе Усолье – Березники Соликамского уезда по IV благочинному округу, церковно-приходские школы и школы грамоты были открыты во всех крупных селах:

- село Усолье. В приходе Спасопреображенской церкви работала одноклассная церковно-приходская школа, открытая в 1895 году, в которой на тот период обучалось 12 мальчиков и 58 девочек;

- село Веретия. Церковно-приходская школа прихода церкви Святой Троицы была открыта в 1885 году и содержалась на средства церковно-приходского попечительства и жены статского советника В.Е. Самосатской. В школе обучались 50 мальчиков и 48 девочек;

- село Зырянское. В церковно-приходской школе при церкви Усекновение главы Иоанна Предтечи, открытой в 1894 году, училось 52 девочки;

²⁰ Пермские епархиальные ведомости. 1910. № 5. С. 99 // Березн. краевед. музей. КП 3835 /122.

²¹ Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 16 (март). С. 601–602 [Св. Александр Ласкин. Общенародное пение при богослужении] // Березн. краевед. музей. КП 3835 /123.

- село Орел. В приходе церкви Похвалы Богородицы в 1896 году была открыта школа грамоты, преобразованная в 1901–1902 годах в одноклассную церковно-приходскую школу;

- село Пыскор. В приходе Спасопреображенной церкви работали две школы грамоты. Первая была открыта в 1894 году и находилась в дер. Верхние Новинки. Вторая работала в дер. Кондас с 1887 года²².

Церковь стремилась также просвещать взрослое население. С этой целью учреждались воскресные школы, народные библиотеки, где устраивались народные открытые чтения. Преимущество в таких библиотеках отдавалось литературе духовного содержания, а также произведениям русских классиков. В работе со взрослой молодежью большая роль возлагалась на «Союз благочестивых людей», члены которого должны были воспитывать у молодежи нравственные ценности и ориентиры, отвлекать от дурных поступков и вредных привычек, таких как сквернословие, хулиганство, кощунство, пьянство и курение.

Епархии обязывали приходских священников «организовывать кружки ревнителей православия из подрастающего юношества»²³ по образу христианских Союзов молодежи Англии, Америки и Германии, а также Петербургского «Общества религиозно-нравственного просвещения в духе святой православной церкви» или «Христианского содружества православной молодежи». Перед священнослужителями ставилась задача о вовлечении как можно большего числа молодых людей в эти кружки.

За молодежь активно боролась не только православная церковь. Педагогические идеи духовенства, основывавшиеся на консервативных принципах, встречали негативную оценку со стороны правых и левых политических сил. Особенно резко критиковал преподавание религии Ленин, считая, что эти уроки воспитывают у подростков монархическое и национал-патриотическое сознание, которое называлось «проповедью великодержавного шовинизма» и серьезно препятствовало революционной борьбе.

Анализируя противоположные взгляды на религиозное образование молодежи, сформировавшиеся в обществе в то время, полезно обратиться к теориям социолога и философа К. Мангейма. Он подчеркивал, что «социология больше не рассматривает образование и обучение как чисто

²² Клировые ведомости церковей 4-го благочинного округа Соликамского уезда Пермской епархии (1906 г.) // Березн. ист.-худ. музей. КП 5524/22.

²³ Пермские епархиальные ведомости. 1911. № 3. С. 45 // Березн. краевед. музей. КП 3835/123.

надвременные или вневременные методы, а придает большое значение конкретному характеру общества, в котором воспитывается молодежь и в жизнь которого она должна будет внести свой вклад»²⁴. Российское общество в рассматриваемый период было нестабильно и стояло на пороге кардинальных перемен. Вопрос, какой именно вклад и в какую жизнь должна была внести молодежь, становится основным. Либерализм провозглашал вероисповедание частным делом, большевики стояли на позициях воинствующего атеизма, консерваторы, в том числе и религиозные деятели, настаивали на приоритете религиозных ценностей в жизни индивида. Одни делали ставку на прогрессивные устремления молодежи, другие – на традиционные установки. Дальнейшие события показали правильность выводов Мангейма о том, что «молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она – потенция, готовая к любому начинанию»²⁵. Это подтверждают наблюдения Святейшего Патриарха Кирилла, который в одном из своих выступлений особо выделил следующий парадокс сознания молодежи. По рассказам его отца протоиерея Михаила (Гундяева), среди детей, учившихся в церковно-приходских школах, существовало своего рода соревнование – кто первым придет в школу, тот и зажигает лампаду в классе перед иконой. Но спустя несколько лет эти дети, став взрослыми, с таким же рвением громили православные храмы. Значит, делает выводы Патриарх, «атеистическая пропаганда оказалась на тот момент сильнее»²⁶.

В кризисный период усилилась роль социального служения церкви. На эту сторону деятельности РПЦ в русском обществе не было единого мнения. Значительная часть считала, что церковь пренебрегает материальными интересами земной жизни во имя будущего Царства Божия. В формировании этого мнения немалую роль сыграла точка зрения католических и протестантских теологов, которые считали, что христианский Восток больше привержен мистицизму и созерцательности, чем реалиям жизни. Кроме того, социальная роль церкви не всегда пользовалась поддержкой властей. Петр I своим «Духовным уложением» практически исключил РПЦ из социальной деятельности. Еще более губительным был указ Екатерины II о закрытии почти половины монастырей и сокращении числа монашествующих. Для сельской местности, где монастыри были практически единственными культурными и благотворительными цен-

²⁴ Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 441.

²⁵ Там же. С. 445.

²⁶ Святейший Патриарх Кирилл. Что ждет Русскую Церковь // Интернет-портал bogoslov.ru

трами, это принесло ощутимые потери. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, русская церковь никогда не сворачивала свое социальное служение. В XIX веке возродился интерес к движению мирян и по всей России был создан ряд благотворительных братств и особенно сестричеств. Быстро росло число православных благотворительных организаций, расширялись границы их деятельности. К началу прошлого столетия благотворительностью занимался практически каждый приход на территории империи и численность их постоянно увеличивалась. В основном работа была направлена на создание благотворительных столовых, сиротских домов, приютов для больных детей, а также на борьбу с пьянством. Последний аспект деятельности рассматривался многими представителями РПЦ и властью как наиболее важный, способствующий укреплению и распространению нравственности. Цели подобных обществ наиболее полно изложены в «Уставе Пермского образцового общества трезвости при Братстве трезвости в г. Перми:

1) общество имеет целью объединить трезвенников для успешной борьбы с пьянством и распространять начала трезвости в народе;

2) в зале при Братстве Св. Стефана в воскресные и праздничные дни Общество устраивает беседы религиозно-нравственного характера и специально посвященные вопросу о пьянстве с общенародным пением и акафистными молениями»²⁷.

В общество трезвости могли вступать все взрослые православного вероисповедания, а также и дети, которым исполнилось восемь лет. Работа общества была направлена на объединение людей как трезвого образа жизни, так употребляющих спиртное. В Пермской губернии в 10-е годы XX века подобные общества трезвости по благословению Епископа Пермского и Соликамского и по соглашению с управляющим Пермской губернией открывались по всей территории. Кроме них при церквях организовывали свою работу церковно-приходские попечительства, общества ревнителей доброй жизни.

С началом Первой мировой войны религиозные и патриотические настроения в русском обществе заметно усилились. Вера в Бога прежде всего поддерживала и помогала воинам на фронте. Интересно в этом отношении письмо рядового А.Г. Гаврилова к своим родным, опубликованное в одном из выпусков Пермских епархиальных ведомостей. Только

²⁷ Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 26. С. 820 [Противоалкогольное дело. Устав Пермского образцового общества трезвости при Братстве трезвости в г. Перми] // Березн. ист.-худ. музей. КП 5009/4.

в небольшом отрывке из него слово «Бог» упоминается четыре раза: «...видно мне Бог поможет, так как грехам моим пока терпит и, надеюсь, с помощью Вседержителя Бога небесного и Вездесущего Отца и Сына и Святого Духа вернусь я к вам невредимым... Прошу я у Вас, дорогое мое семейство, благословения: благословите Вы меня именем Бога нашего, чтобы вернуться здоровым дал Бог»²⁸.

Церковь играла особую роль в поддержании морального духа всего общества. С началом войны начали проводиться общественные богослужения, молебны и вселенские панихиды по всем «павшим в боях за Царя и Родину русским воинам», а также духовно-патриотические концерты, частные сборы от которых поступали на подарки и необходимые вещи, которые затем отправлялись на фронт. Для армии, госпиталей комплектовались тысячи экземпляров Евангелия, молитвословов, брошюр религиозно-нравственного и патриотического содержания. К началу Первой мировой войны РПЦ сумела извлечь уроки из проигранной русско-японской войны, когда в военные части были направлены фактически неподготовленные священники, вся деятельность которых сводилась к совершению молебнов, панихид, литургий, отпеванию умерших и т.д. Эти недостатки постепенно ликвидировались целым рядом положений и инструкций, разработанных Синодом и представителями военного духовенства.

В 1914 году каждый священник, попав на фронт, должен был действовать в соответствии со строго разработанной инструкцией, которая определяла точный круг его обязанностей. Инструкция совершенно точно объясняла, где он должен находиться и что делать во время боя и в перерывах между боями, где и как совершать богослужения, что обязан был говорить в проповедях. В соответствии с инструкцией священникам вменялось в обязанность помогать врачам, выносить с поля боя раненых и убитых, извещать родственников погибших, помогать раненым солдатам и офицерам писать письма домой, организовывать и формировать библиотеки, заботиться о воинских кладбищах. В инструкции были даны указания о попечительском отношении к иноверным воинским чинам.

В годы войны еще более широко развернулась благотворительная деятельность церкви. Только в Пермской губернии практически в каждом приходе были организованы приходские попечительские советы для помощи семьям лиц, призванных в армию. В состав советов Пермской епархии при участии причта и церковного старосты входили представи-

²⁸ Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 15. С. 476–477 [Письмо рядового А.Г. Гаврилова] // Березн. ист.-худ. музей. КП 5009/4.

тели сельской или заводской интеллигенции, сельского и волостного управления, а также по одному представителю от каждой деревни данного прихода. Для адресной помощи семьям воинов советом «составлялись особые списки мобилизованных прихожан церкви с подробным указанием: 1) места жительства; 2) имени, отчества и фамилии, призванного в войска, запасного или ратника и времени призыва; 3) личного семейного положения призванного – есть ли жена, дети и кто вообще, находится на его попечении; 4) чем призванный приобретал средства для жизни – домашним хозяйством, ремеслом или отхожим заработком; 5) какое пособие получило семейство призванного: а) из казенных сумм, б) из общественных и частных средств, в) какие нужды в семействе остаются неудовлетворенными»²⁹. Сборы средств проходили по подписному листу, во время крестных ходов, с помощью кружечных сборов. С началом военных действий до конца 1914 года приходскими попечительскими советами Пермской епархии было собрано вещевых пожертвований на сумму 3112 руб. 35 коп., а денежных – 30 689 руб. 67 коп. При этом пожертвования частных лиц составляли 27 955 руб. 42 коп., пожертвования из церковных сумм – 2734 руб. 25 коп.³⁰

В благотворительной деятельности активно принимали участие духовные учебные заведения и монастыри, которые давали приют беженцам, устраивали лазареты, отдавали служебные помещения для нужд армии.

Церковь принимала активное участие в помощи беженцам и военнопленным. Первые российские солдаты попали в плен в самом начале войны. В письмах военнопленных часто упоминается православная церковь, священники, которые оказывали огромную моральную поддержку. Однако со временем в письмах церковь упоминается все реже и реже. Негативная окраска приходит на смену словам благодарности. Настроения в отношении церкви изменились не только в среде военнопленных. На передовых позициях усиливалась агитация под лозунгами «нет Бога, долой Церковь». Такой поворот сознания в сторону атеистического мировоззрения произошел не случайно. П. Сорокин в одной из своих статей писал, что «с началом войны во всех воюющих странах стал расти военный социализм»³¹. Это явление охватило многие стороны общественной жизни и повлияло, в том числе, и на психологию и идеологию масс.

²⁹ Пермские епархиальные ведомости. 1915. № 5. С. 111 [Духовенство Пермской епархии и великая война народов] // Березн. ист.-худ. музей. КП 5009/4.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ Сорокин П.А. Война и милитаризация общества // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 58.

Мирная психология уступила место «психологии военной, целиком исходящей из принципа голого насилия, видящая в нем спасительный меч, разрушающий все гордые узлы общественных неурядиц и зол. Насилие, кровавая борьба, «прямое действие» стали казаться якорем спасения. Введение на земле рая принудительным военным путем... стало казаться чем-то вполне правильным, способным привести к цели»³².

После февральской революции церковь оказалась в новых для себя условиях демократического общества и главным вопросом для нее стал снова вопрос отношения к власти. Представители партии кадетов открыто считали, что смена политической власти со всеми вытекающими отсюда последствиями не отзовется так катастрофически, как в православной церкви. Немецкий философ К.Г. Баллестрем считал, что церкви при демократии можно или приспособиться к демократической культуре, или держать дистанцию, чтобы сохранить собственную идентичность и доверие к себе, или, наконец, искать близости с государством, чтобы иметь право на политику³³. РПЦ придерживалась последней тактики, и 9 марта 1917 года Святейший Синод призвал верующих «довериться Временному правительству, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повинением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы». Само же Временное правительство провело ряд мер по секуляризации общества. 20 марта 1917 года были отменены национальные и вероисповедные ограничения. Теперь для занятия важных государственных должностей и для коммерческой деятельности не требовалась принадлежность к православной вере. Следующий этап секуляризации был связан с законом о свободе совести, принятым правительством 14 июля и впервые за всю историю России признавшим законным невероисповедальное состояние общества. 25 июля был выпущен еще один закон Временного правительства, который отменил синодальную систему управления. Еще одно важное направление в деятельности церкви в этот период стало проведение церковных реформ, результатами которых стали созыв Великого Всероссийского Поместного Собора, восстановление патриаршества и избрание патриарха.

После октября 1917 года православная церковь из господствующей превратилась в гонимую. Собор не признал законности советской власти,

³² Там же. С. 61.

³³ См.: Баллестрем К.Г. Церковь и демократическая культура: проблема адаптации и конфликты // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 75.

но церковь не стала вести открытую борьбу с большевиками и не перешла на сторону какой-либо из воюющих сторон. Главной целью православной церкви стала борьба за сохранение соборности, которая, по определению А. Хомякова, являлась общим «принципом устройства бытия, характеризующим множество, собранное силой любви в свободное и органическое единство».

Среди постановлений, принятых Собором в период 1917–1918 годов, необходимо отметить те, которые имели важное историческое значение:

- о восстановлении Патриаршества;
- о порядке прославления святых к местному почитанию;
- о монастырях и монашествовавших. Данное постановление вносило изменение в монастырский устав. Отныне настоятели не назначались, а выбирались из числа братии. Постановление предусматривало также реорганизацию ряда обителей в нравственно-религиозные центры, сельскохозяйственные артели и коммуны, что позволило им в таком виде просуществовать до начала коллективизации;
- о приходском уставе, закрепившем автономность и самостоятельность церковных приходов. Предусматривалось также создание союзов прихожан.

27 января 1918 года Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая верующих объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах России прошли крестные ходы, некоторые из которых были расстреляны. В марте того же 1918 года был создан Совет объединенных приходов, ставивший своей задачей защиту храмов и монастырей, которые должны были быть закрытыми. По-прежнему работали братства. Главным направлением их деятельности было уже не социальное служение, как в дореволюционные годы, а духовное воспитание христиан, способных сохранить жизнь по вере в условиях гонений, а также создание полуправильных монашеских общин в миру. Интересно, что братские отцы делали в тех условиях ставку на молодежь, которая, казалось, была обречена на полный провал. Но, тем не менее, одной из своих основных задач они считали пропаганду христианского учения и подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем, возможно, и полной ликвидации духовного образования, позволило бы сохранить кадры, способные в будущем осуществить возрождение Русской православной церкви.

Многие исследователи отмечают, что в годы Гражданской войны уровень религиозного сознания повысился, чему способствовали бедствия,

вызванные этой войной: голод, разруха, разочарование в новом режиме. Не имея возможности в данной статье ни утвердить, ни опровергнуть это мнение, можно только сказать, что, очевидно, этот процесс не везде был одинаков. В частности, анализ метрических книг церковей с. Усолья Соликамского уезда показал снижение числа крещений. Если в 1916 году по данным метрической книги Пермской духовной консистории в Спасо-Преображенской церкви было крещено приходских 126 детей, то в 1918 году в метрической книге церкви Владимирской Божьей Матери зарегистрировано всего 49. Причем, в ноябре и декабре во время Гражданской войны записи отсутствуют³⁴. Значительно понизилось число венчаний. Отпевали в 1918 году в основном людей старшего поколения. Хотя этот показатель чисто внешний, по которому трудно определить, что двигало массами: действительно ли атеистические взгляды или, по определению А. де Токвиля, боязнь отчуждения, нежели заблуждения, что является сильной мотивацией для присоединения к толпе отдельных индивидов.

В целом же в короткий период 1917–1918 гг. церковь делала все, чтобы открыть путь к диалогу и соглашениям, делающим возможным церковную жизнь в годы советской власти. Однако стремление к диалогу превратилось в открытое противостояние. Советская власть объявила открытую войну религии. Многие западные социологи, в том числе и Т. Парсонс, считали весь советский период периодом глубоко кризисного состояния общества, в условиях которого РПЦ находилась фактически на нелегальном положении. Но, несмотря на жестокие гонения, веру удалось сохранить. Этому немало способствовала отечественная культура, сформировавшаяся на основе православных норм и ценностей.

В условиях нового кризиса 1990-х годов РПЦ предстояло и в последующие годы предстоит выстраивать новые отношения с либерализирующим российским обществом.

В целом деятельность церкви в кризисные периоды всегда основывалась на политике встраивания консервативных ценностей в меняющуюся модель общественного развития. От успешности этих политических действий, от правильно рассчитанной стратегии, зависит положение церкви в современном мире.

Получено 8.09.2009

³⁴ Городской архив администрации г. Усолья. Ф. 104. Д. 404. Л. 81.